

Фишман Леонид Гершевич*

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС РЕСЕНТИМЕНТА И ЕГО КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Среди моих научных достижений считаю необходимым упомянуть следующие.

В начале 2000-х гг. мной было осуществлено исследование *трансформации метапарадигмальных (религиозных и философских оснований) современных социально-политических наук. Было показано, как изначальные религиозно-философские парадигмы осмысления социально-политической реальности трансформировались в современные парадигмы, в которых, с одной стороны, исследовались политические и социальные институты и процессы, с другой – человеческое поведение на самых разных уровнях социальной реальности.* (Или, если более кратко, в проблематику «системы» и «жизненного мира».) Дальнейшая же история этих наук подтвердила их неспособность отказаться от явного или скрытого разделения реальности на сферы имманентного и трансцендентного, что отразилось в истории социальной философии, социологии, политической науки, психологии (Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2004).

Была предложена оригинальная концепция политического Постмодерна как образа мышления, в очень значительной мере близкого к просвещенческому. Раскрыты и исследованы характерные особенности российской политической мысли конца 1990-х –

* Фишман Леонид Гершевич – профессор РАН, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

начала 2000-х. Показано, что *в ситуации ухода на периферию публичной политики идеологий и утопий на сцену вышли другие типы политических дискурсов, аналоги которых порой удается отыскать в прошлом. Было обосновано, почему современные российские политические дискурсы уже нельзя рассматривать как современные идеологии и утопии, а также, в целом, почему не следует искать идеологии и утопии там, где их еще или уже нет* (Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004).

Отдельным направлением исследований стал анализ специфики постсоветских политических дискурсов, идеологий, утопий в художественной литературе. В частности, в российской фантастической литературе 1990-х – 2000-х были выделены *элементы неотрадиционализма, имперского реваншизма и исторического ревизионизма* (Фишман Л.Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002).

Мною был также предпринят комплексный анализ специфики исторических условий, в которых возникает и получает свое философское и моральное обоснование демократия. Доказано, что развитие демократии вытекает в большей степени не из развертывания философско-политических дискурсов на тему прав человека и не из совещательных процедур принятия решений элитами, имеющих место как в античной, так и в современной республиканской традиции. *Демократия появляется тогда, когда правящим классам оказывается нужна массовая армия, и за это они готовы платить политическими правами и социальными гарантиями* (Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011).

Исследование ряда глобальных процессов во второй половине 2010-х гг. привело к формулированию *концепции становления «рентного общества»* на Западе и в России. В ней *переосмысливалась роль феномена ренты в развитии человеческой цивилизации. Доказывалось, что итогом совокупности ряда процессов в развитии современных обществ становится уменьшение роли труда и капитала в перераспределении ресурсов. Соответственно, было показано, что ряд политико-философских дис-*

курсов, имеющих место в истории и современности, являются способами обоснования такого рода рент – классовых, сословных – ввиду принадлежности к расе, полу, гражданам того или иного государства и т. д. (Фишман Л.Г., Мартъянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019).

Последнее завершённое исследование посвящено советской морали и ее трансформациям вплоть до нынешнего времени. *Советская мораль конструировалась как двухъярусная. Верхний ярус – коммунистическая (а шире, гуманистическо-прогрессистская леволиберальная идеология и вытекающие из нее универсальные принципы). Нижний ярус – необходимая любому обществу «этика добродетелей».* Ценности этой этики во многих отношениях вовсе не были социалистическими или коммунистическими, а были аристократическими или буржуазными. Они никуда не исчезли, более того, они в какой-то момент стали представляться как обладающие самостоятельным значением. По этой причине *катастрофа советского строя не сопровождалась такой же сокрушительной моральной катастрофой. Когда роль верхнего яруса советской морали ослабела, возобладала в разных обличьях этика добродетели. Она же господствует и сейчас* (Фишман Л. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022).

Перехожу к основной части доклада.

Ресентимент

В настоящее время я занимаюсь проблематикой социального генезиса такого феномена, как ресентимент. Актуальность проблематики ресентимента трудно переоценить, поскольку сейчас обвинение в ресентименте часто бросают в адрес тех политических сил, которые хотят упрекнуть в неискренности декларируемых ими намерений и обвинить в низменном своекорыстии. Я исхожу из понимания ресентимента, вытекающего из сочинений Ницше и Шелера, т. е. как феноменального единства переживаний и действия, обусловленного бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью

отомстить виновникам перманентного унижения. При этом считается, что ресентимент присущ низшим классам, являясь, по большому счету, «восстанием рабов в морали».

В конечном счете концепция ресентимента делит всех на сильных и слабых (в моральном плане). В ее основе находится обличение слабых в склонности к «ложным самоотчетам», причиной которого является неготовность признаться в том, что ты отказался достигнуть вполне достижимой цели. Иными словами, это обличение недовольных в том, что на самом деле они ленивы, безвольны и неспособны признать, что именно в этих их качествах заключается главная причина их бед. От этого они начинают переоценивать ценности и, таким образом, изошренно мстить успешным и сильным.

Сколь бы самоочевидной в силу подкупающей простоты ни казалась связь между ресентиментом и низшими классами, сам комплекс характерных для него моральных чувств и стратегий поведения вряд ли мог *появиться* среди низших классов. Гораздо резонней предположить, что для его появления как значимого социального феномена было необходимо не уникальное сочетание черт личности у раба или крестьянина, одержимого, подобно старухе из сказки о золотой рыбке, неправомерной гордыней, а положение в социальной структуре, которое бы генерировало «высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыню, не соответствующую внешнему статусу». Социально обусловленная зависть, которая, как считается, лежит в основании ресентимента, возникает и поддерживается все не тогда, когда расстояние между завистником и объектом зависти велико, а, наоборот, когда оно минимально. А если и не минимально, то видится вполне преодолемым легальным путем. Правдоподобные представления о генезисе ресентимента в более ранние эпохи (то есть, если следовать Ницше, в эпоху античности и Средние века) можно получить путем выявления таких социальных групп (и типичных для них «человеческих ситуаций»), статус которых хотя бы в некоторых существенных отношениях близок к статусу высших классов, а «слабость» и «униженность» лишь относительно и оставляют надежду на изменения к лучшему.

К слову, еще Шелер заметил, что крестьяне не завидуют своим господам, а ремесленники рыцарям; также и современные про-

летарии, по словам американского исследователя П. Фассела, совсем не завидуют самым высшим классам; напротив, все оттенки зависти низших к высшим легко обнаруживаются между различными градациями среднего класса.

Поэтому картина, согласно которой рабы и маргиналы совершают колоссальную духовную работу по переоценке ценностей, в результате чего чувства бессилия и отчаяния, желание мести и осознание того, что она не может реализоваться в адекватных поступках, подвергаются колоссальной культурной переработке, и в итоге бессилие трансформируется в силу, поражение – в победу, а «ressentiment сам становится творческим и порождает ценности», выглядит малоубедительной. Не стоит забывать, что революционеры, которые формулируют и воплощают на практике «ресентиментные» теории, обычно происходят из не самых обездоленных слоев, а часто все из тех же аристократов или буржуа. То же касается и феноменов, в которых типичным для ресентимента образом тесно переплетаются политика и искусство. Так, литературная «школа ресентимента» в Америке возникла не тогда, когда негры были рабами, а женщины домохозяйками, а тогда, когда многие из них стали университетскими профессорами и развернули идеологизированные этнические, гендерные и «квирные» штудии.

Мы вряд ли ошибемся, предположив, что человеческие ситуации, порождающие феномен ресентимента близ верхушки социальной пирамиды, возникают и в среде других социальных групп того периода, который Карл Маркс называл предысторией человечества. Например, буржуазии или интеллигенции. Отдельного исследования в рамках данной проблематики заслуживает специфическое положение женщин господствующих классов. Каким бы привилегированным оно ни было относительно прочих социальных слоев, по отношению к мужчинам того же класса женщины почти всегда оставались в подчиненном и ущемленном положении.

Иными словами, *генезис ресентимента следует искать в высших классах или близких к ним социальных группах*. Но, конечно, нельзя отрицать, что в дальнейшем свойственный ресентименту комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят другими классами. В этом виде он обращает на

себя внимание в эпохи, когда угнетенные классы приобретают реальные возможности для изменения своего положения или, во всяком случае, получают основания считать, что могли бы достичь большего, если бы такая возможность им была предоставлена.

Другое направление исследования ресентимента заключается в выдвижении гипотезы, что концепция ресентимента есть одновременно критика «ложного сознания» справа и проявление ложного сознания.

Концепция ресентимента детерминирована особенностями мировосприятия представителей деклассированных высших классов, которую они, конечно, считают нормой и специфической чертой которой является комплекс порождающих ресентимент практик. Выражаясь словами Шелера, ресентимент изначально заложен в структуру их морали, это их веками практикуемый ответ на ситуацию относительно приниженного, отчасти угнетенного, неравного положения в системе отношений внутри их собственного класса. И суть этого ответа в том, что практикующие ресентимент по большому счету хотят изменить не мир, а только – свое место в системе отношений. Они веками пережевывают свои большие и маленькие обиды и негодования, травятся своим ядом бессилия – с тем чтобы забыть об этом, когда положение улучшится, и вспомнить вновь, когда фортуна в очередной раз повернется к ним задом. Поэтому, когда они видят, что другие ранее угнетенные классы начинают борьбу на интеллектуальном поле против своих угнетателей, они меряют их своей меркой, уличают их в тщательно маскируемом под возвышенные утопии желании занять место угнетателей. Для них поэтому идеологии и утопии только прикрытие единственно понятной недовольному своим положением аристократу карьерной мотивации. Таким образом, концепция ресентимента – не критическая (и потому односторонняя) экстраполяция мышления одержимой ресентиментом же части аристократии на другие социальные группы. *Отсюда вытекает характерная стратегия «разоблачения» как ресентимента любого революционного и реформаторского порыва.*

Разновидностью и продолжением такой стратегии является всякая критика неуспешных людей и их реакций на свое положение с точки зрения успешных и процветающих. Позиция последних ос-

нована на представлении, что мир в целом хорош и справедлив, что «кто хочет, тот добьется», а если не добился, то исключительно сам в этом виноват. И все его недовольство, равно как и действия, продиктованы чувством зависти к успешным и желанием отомстить. Мы без труда можем провести определенные ассоциации, заметив, что именно так и реагируют на всякое недовольство наименее соvestливые представители правящих классов и их идеологическая обслуга. Таковы аристократы французского старого порядка, ангажированные интеллектуалы Германии конца XIX – начала XX в., современные неолиберальные учителя успешной жизни, значительная часть американского демократического истеблишмента, когда они обличали сторонников Трампа и т. д. До недавних пор это была реакция ряда представителей наших отечественных элит, когда их уличали в показной роскоши или в лицемерии на тему «я сам всего добился». Все они были не прочь поучить всяких неудачников, почему-то не сумевших интегрироваться в лучший из возможных миров.

Упор на иммобилизм, паразитизм и иные негативные черты страдающего ресентиментом субъекта – характерная черта классического дискурса о ресентименте, который повествует об ущербной во всех отношениях личности. Ей противопоставляется личность благородная, гармоничная, сильная, словом – образец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Так, Ницше пишет о «высокородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны» в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей». Это крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)». «Активный, наступательный, переступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный; ...Оттого фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал

и более свободным взглядом, более спокойной совестью...» Ему противопоставляются люди *ressentiment*, «эти физиологически увечные и источенные червями существа», придумавшие самую «нечистую совесть». Ницше во многом вторит Шелер, для которого *ressentiment* также является отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Для Шелера, к примеру, «очевидно», что в основе трудовой теории собственности «лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда», сословный социальный порядок, в основе которого лежит «благородная кровь и традиция» для него «осмысленная селекция лучших», «слепок присущей всей живой природе аристократии». *Рессентимент* для Шелера – «источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь».

Иными словами, в рамках концепции *ressentiment* если некто долго¹⁵² испытывает характерные для *ressentiment* чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств. Акцентирование внимания на этом достаточно примитивная манипуляция, которая с сегодняшней точки зрения достойна коучей, рисующих нам портрет позитивного и по-хорошему «агрессивного человека», старающегося не фокусироваться на плохом. Она предназначена для масс как один из инструментов «буржуазной пропаганды», ставящей своей целью убедить свой объект, что с существующим порядком вещей борются лишь ущербные, слабые, *ressentiment*ные людишки. Объект же пропаганды не слаб, он успешный человек. И пусть он, как замечает Х. Вайс, принадлежит объективно к «заведомо низшим слоям общества», он стремится доказать обратное, например, относя себя к «среднему классу» и ради этого амбициозно влезая в долги.

¹⁵² Если недолго, то можно, ибо, согласно Ницше, недолго испытывать *ressentiment* могут и подлинные аристократы духа, наделенные благотворной способностью забывания плохого.

В заключение следует отметить, что, хотя изложенные выше тезисы получили развитие в некоторых публикациях¹⁵³, они все еще находятся в стадии разработки и требуют дальнейших обоснований.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Вайс, Х. (2021). Мы никогда не были средним классом. М.: Издательский Дом ВШЭ.
2. Ницше, Ф. (1990) К генеалогии морали. Poleмическое сочинение. *Сочинения: в 2 т. Т. 2.* М.: Мысль».
3. Хиршман А. (2010) *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность.* М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.
4. Шелер, М. (1999) *Ресентимент в структуре моралей.* СПб: Наука; Университетская книга.
5. Фассел П. (2021) *Класс: путеводитель по статусной системе Америки.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
2. Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
3. Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011
4. Фишман Л.Г., Мартянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
5. Фишман Л. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

© Фишман Леонид Гершевич

¹⁵³ Фишман Л.Г. Наследник и бастард (заметки о социальном генезисе ресентимента) // Полития. 2021. № 4. С. 145–162; Фишман Л.Г. Речи ни к кому (об эффективности критики российского ресентимента) // Дискурс Пи. 2022 (в печати).